

При характеристике местонахождения источника часто пишут, что он находится в том или ином архиве, и этим ограничиваются. Отсутствует указание на номер фонда, его название. Встречающееся заявление об использовании материалов фонда номер такой-то из какого-либо архива, по сути, не имеет какой-либо информационной ценности.

Очень редко ставится вопрос, связанный, с одной стороны, с характеристикой комплекса источников, а с другой — их отдельных видов и типов, необходимых для изучения данного вопроса. Тем более не ставятся вопросы о том, когда появился тот или иной документ, кем и в каких условиях он готовился, с какой целью был создан. История знает немало примеров появления и подложных документов, и специально сфальсифицированных. Очень часто отсутствует упоминание, использовался ли данный источник кем-либо ранее из предшественников, автор выступает таким образом в роли первооткрывателя документа.

Довольно часто в работах авторы ссылаются на средства массовой информации (газеты, журналы и пр.), забывая при этом, что источником является не газета или журнал, а материалы, которые там опубликованы. И, соответственно, эти публикации требуют определенной интерпретации — выделения типов, видов и пр. и соответствующего их анализа и отношения к этим материалам.

Формально на кафедрах факультета имеется несколько изданий учебно-методических пособий по написанию курсовых и дипломных работ, они могут быть полезны и аспирантам. Но, к сожалению, на практике эти методические пособия используются редко.

Я поставил лишь какую-то часть из наблевших, на мой взгляд, вопросов. Каждый из них может быть развернут. Мне хотелось обратить внимание на некоторые проблемы, нуждающиеся в незамедлительном решении. Буду рад, если мой голос будет услышан, и хотелось бы принять участие в обсуждении, если затронутые положения кого-либо заинтересуют.

В.А. Данилов

Несколько слов в защиту историографии

В третьем выпуске альманаха «Европа» были опубликованы весьма любопытные полемические заметки А.Г. Еманова и В.А. Данилова, посвященные рассмотрению состояния дел в современной отечественной историографии. Действительно, жанр «кризиса буржуазной историографии» с позиций «единственно верного марксистского учения» безвозвратно ушел в прошлое. Он имел смысл только в рамках советской исторической науки. Но этот «уход» вызвал среди отечественных историков определенные сомнения. «Как заниматься историографией сейчас?» — вот вопрос, относительно которого сочли нужным выступить названные выше авторы. Признавая актуальность поднятой весьма уважаемыми нами авторами темы и справедливость некоторых высказанных ими замечаний, все-таки

хочется заметить, что ряд положений, высказанных в этих заметках, нуждается в определенных уточнениях. В противном случае мы имеем дело с очевидно искаженной картиной. Проговорить смысл этих уточнений мы и постараемся в нашем тексте в качестве ответной реплики, в рамках жанра, предложенного авторами. Жанр этот в свою очередь обуславливает некую лапидарность и в то же время провокационность некоторых наших собственных формулировок. В силу этого свою позицию мы «разворачиваем» в тезисной форме, при этом тезисы не столько «обосновываем», сколько «выдвигаем». Обоснование — это задача другого жанра.

1. Историография нужна.

С этим положением, казалось бы, согласны оба автора, высказавшиеся по данной проблеме. Историография при-

знана академическим истеблишментом и традицией, как учебная дисциплина прописана в качестве обязательной позиции в Государственном образовательном стандарте. Но при этом, во-первых, на практике часто приходится сталкиваться с «обструкцией», которую устраивают историографии историки, специализирующиеся на изучении конкретно-исторических сюжетов. А во-вторых, и это тесно связано с первым, в ответ на суждение о том, что историография нужна, совершенно логично встает вопрос: «А зачем?». С пояснения этого тезиса, видимо, и следует начинать.

Современная историческая наука (или историческая наука на современном этапе развития) в качестве необходимого условия своего существования базируется на идее необходимости критической рефлексии своего собственного исследовательского аппарата (понятий, методов, приемов и т.д.). Научная история — это далеко не единственная из существующих форм познания прошлого. Можно говорить об эстетической, философской, бытовой и прочих формах истории. Они не лучше и не хуже научной. Они просто другие, т.е. строятся по другим правилам. Так вот, одним из принципов, образующих научную традицию изучения истории, является осознанное соблюдение современных правил (т.е. принятых научным сообществом в данный момент) научного исследования. Эти правила должны быть четко отрефлексированы. Вот для этой рефлексии и нужна историография. Писать «по-дедовски» («я так пишу, потому что все так пишут») сейчас фактически означает писать ненаучно. Наивное историописание в рамках современной науки невозможно.

Любой, казалось бы, самый конкретно-эмпирический сюжет оказывается имплицитно теоретичным. И только при осознании этой теоретичности и возможно продуктивное научное исследование. Изучение откликов на Октябрьскую революцию 1917 года в Ямальской тундре (если обратиться к примеру, взятому А.Г. Емановым) тре-

бует не только знания соответствующих архивных материалов, но и четкого осознания того, что такое «революция», что такое «отклики» и как их изучать, что такое Ямальская тундра. За каждым из этих, как и любым другим, терминов тянется длинный шлейф традиции научных споров, открытий и сомнений, игнорирование которого делает научное исследование вопроса бесполезным с точки зрения приращения научного знания. Эту традицию необязательно воспринимать, к ней необходимо относиться критически при выборе собственного аппарата исследования. Для этого и нужна историография. Современный историк не может идти вслепую.

Да, правы те «противники историографии», которые говорят, что математики не спорят бесконечно о том, что такое «ноль», под лозунгом «давайте вначале разберемся с терминами». Но математики строят свои исследования в рамках сознательно выбранной системы аксиом.

Подобное состояние характерно не только для исторической науки. Схожую картину мы наблюдаем, например, и в сфере художественной культуры. «Наивное», «душевное», «искреннее искусство сердца» — это великая идея прошлого. В современном художественном пространстве критик и историк искусства — фигуры не менее значимые, чем собственно художник, а интерпретация произведения искусства часто более значима, чем сам предмет.

Историография нужна специалисту историку (в первую очередь, именно ему), поскольку помогает понять, а что он, собственно, сейчас делает. Историография и создает (задает) историку критический инструмент, частью которого сама является. Это достаточно сложный путь, но кто сказал, что будет легко. «Заниматься наукой» интересно, но сложно. Иначе — халтура, о которой мы еще поговорим.

Другими словами, вот (если вспомнить Фихте) «ясное как Солнце» определение основной задачи историогра-

фии: «Историография нужна для того, чтобы история была наукой».

2. *Историография и ...историография — «две большие разницы».*

Другое дело, что трудно согласиться с уважаемыми авторами заметок, когда они говорят о существовании единственно возможного «подлинного историографического исследования». Хотя не столько открыто говорят, сколько подразумевают наличие такового. Где-то на уровне интенции.

Вспомним банальную вещь о том, что в рамках пространства русскоязычной науки (а мы говорим только о нем, иные пространства обладают своей ярко выраженной спецификой) термин «историография» имеет несколько значений. Любой учебник по историографии начинается с того, что выделяет, по меньшей мере, три значения:

— историография как синоним исторической науки;

— историография как история изучения вопроса;

— историография как история исторической науки.

Это не просто терминологическая путаница. Все три значения связаны между собой достаточно тесно, хотя и опосредованно. Связь эта объясняется вниманием в любом случае, хотя и на различных уровнях, к эволюции различных форм исторического знания и исторического сознания. Но дело в том, что само изучение истории исторической науки (или, шире, исторической мысли) на сегодняшний момент тоже далеко от однообразия. Условно его можно представить в качестве многоэтажного дома с множеством квартир, в каждой из которых свои жильцы, свой образ жизни и свои правила. В рамках этого направления можно изучать историю различных институций, связанных с организацией исторического знания (журналы, институты), биографии ученых историков, применяемые ими методы исследования или нарративные практики, положение историков в обществе, культурную специфику значимого поведения ученых как особой со-

циальной группы (в этом случае они, для удобства изучения, уподобляются племени дикарей, изучаемых антропологом в полевых условиях) и многое другое. Это продуктивное многообразие — состояние последних лет. Такова общемировая тенденция развития науки. Каждый исследователь-историограф сам формулирует задачи и выбирает адекватные методы для решения поставленных задач. Критерием оценки в данном случае оказывается то, насколько корректно и продуктивно удалось решить поставленную задачу. Единого образца, шаблона в историографических исследованиях нет и быть не должно. Многообразие исследовательских подходов, — неожиданное и парадоксальность — необходимое условие жизнеспособности и дальнейшего развития историографии. Введение новых источников («устного слова») и применение новых методов, за которые ратует А.Г. Еманов, не универсальная панацея. Можно написать выдающееся историографическое исследование и на базе давно введенных в научный оборот и, в общем-то, традиционных текстов, что блестяще доказал Х. Уайт и его последователи. «Внимание к уникальному» тоже оправданно не всегда и не везде. Известны примеры историографических исследований, когда «внимание к типичному», «серийному» позволило исследователю-историографу получить прекрасные научные результаты. Вполне хорош как средство историографической работы и контент-анализ.

Мы вовсе не выступаем в качестве сторонников постмодернистского проекта «истории в осколках». При специальной постановке подобной задачи возможен синтез выводов, полученных в результате применения всех названных (и неназванных) подходов историографического исследования. Но написание подобной «синтетической истории исторической науки» требует своих специфических методов. «История науки», в свою очередь, выступает в качестве «рамки» для рассмотрения «истории

изучения вопроса». Важно знать не только «что говорил тот или иной историк по такому-то вопросу», но и «почему он так говорил», т.е. реконструировать контекст высказывания, в рамках которого оно и приобретает смысл.

При всем этом многообразии целей, методов, источниковой базы и стратегий изложения научное историографическое исследование должно соответствовать одному (только одному) критерию — содержать рациональную рефлексию по поводу собственного исследовательского инструментария. Иначе перед нами может быть хороший, интересный, но не научный текст.

Хотя при этом мы должны помнить, что сам по себе этот критерий тоже историчен. Он изменяется под влиянием целого ряда многообразных факторов.

3. Историография — заповедник для мастодонтов?

В связи с вышеизложенным вызывает сомнения тезис А.Г. Еманова о том, что историографическим исследованием продуктивно может заниматься только историк, прошедший долгий профессиональный путь и в конце его обратившийся к историографическим сюжетам. По словам А.Г. Еманова, историография должна стать «итогом жизненного пути ученого в науке». От конкретно-исторических штудий через историю культуры — вот продуктивный путь в историографию, по мнению названного автора.

Безусловно, в пользу этой позиции можно привести множество аргументов и примеров. Достаточно вспомнить жизненный и профессиональный путь одного из крупнейших российских медиевистов А.Я. Гуревича. Но и здесь важно не впадать в крайности. Маститые профессионалы многие годы «варились» в научной среде, прекрасно освоили правила игры, но это «усвоение» чревато косностью. Кризисный жанр заложен в самой их личности, в их профессионализме. Новое, и это показал не только Т. Кун, пробивает себе дорогу в борьбе со старым (что, правда, вовсе не означает, что новое

лучше старого). Другое время требует новых, принципиально новых форм исторических исследований и знаний.

Боясь скороспелых, незрелых выводов и закрывая путь в историографию молодым исследователям («наберись вначале профессионального опыта»), мы закрываем путь и новым подходам и методам. Новые подходы связаны с новыми людьми. А если нам нужны эти подходы, то, соответственно...

4. Между практикой и идеалом «...дистанции огромного размера».

Все, о чем мы до сих пор говорили, имеет отношение к некоему идеалу историографии, к тому, какой историография должна быть. Но то, что реальная историография не соответствует этому идеалу, вовсе не повод ее хоронить как науку. И даже не повод говорить о кризисе. В.А. Данилов и А.Г. Еманов абсолютно правы, когда говорят о большом количестве слабых или даже не соответствующих критерию научности работ по историографии. Действительно, во многом в силу названных нами причин и тех причин, которые называют уважаемые авторы, в историографии «халтуру делать» легче, чем в конкретно-исторических исследованиях. В конце концов, кто-то же должен заполнить лауну бывшей «истории КПСС». И, кстати сказать, эта «халтурная» тенденция сама вполне может и, наверное, со временем должна стать предметом научно-исторического исследования. Авторы этих работ решают, и по большей части успешно, свои «внеаучные» задачи (получение степени и т.д.). Но сложнее, намного сложнее, «делать» качественную работу. А такие работы в современной отечественной науке есть. И именно на них, отчасти и в качестве пропаганды, и стоит обращать внимание. Их анализировать, разбирать, с ними спорить. Они, по большому счету, определяют образ науки.

5. Кризиса историографии нет!

О каком-то содержательном, или институциональном, кризисе отечественной исторической науки можно с опре-

деленной долей условности говорить применительно к 90-м гг. XX вв. Сегодня отечественная наука вошла во вполне нормальный (не только в куновском, но в общепринятом смысле этого слова) этап своего развития. Нормальный — не значит беспроблемный. Сформировались новые подходы, центры и школы. Появляются очень интересные научные работы. В том числе и по историографии.

В качестве примера здесь можно называть, скажем, серию интересных статей А.Н. Дмитриева (на наш взгляд, не оцененных еще отечественной историографией), предлагающих по-новому взглянуть на процессы, протекающие в отечественной исторической науке начала XX в., через призму концепции «академического марксизма» и процесса «секуляризации гуманитарного знания», или книгу тюменских историков Т.Н. и С.В. Кондратьевых «Наука «убеждать», пред-

лагающих принципиально новый взгляд на характер «научных дискуссий» в советской историографии, разворачиваемый на материалах истории советской медиэвистики 1930—1950-х гг.

Очень интересной и перспективной представляется традиция изучения истории археологических исследований в России, заложенная А.А. Формозовым.

История советской историографии — это на сегодняшний момент вообще благодатная непаханая нива, которая ждет своих исследователей. Исследователей, оснащенных принципиально новым категориальным аппаратом.

А на стенания о кризисе остается ответить: «Собака лает — караван идет».

И в качестве итога, своего рода вывода:

б. Пусть будет больше историографий, хороших и разных.

А.В. Свешников

Историографомания

В одной из повестей Сергея Довлатова есть персонаж, который в СССР преподавал научный атеизм, а эмигрировав в Америку, стал вести религиозные передачи на радио «Свобода». Когда коллеги иронизировали над его ренегатством, он возмущался. «Религия, — сбивчиво начинал объяснять новоявленный теист, — религия...». «Твой кусок хлеба!» — заканчивали они. Эта история вспоминается, дабы успокоить защитников историографии. А.Г. Еманов не собирался покушаться на ваше пастбище. Его рукой, как кажется, водило другое чувство: ему стало грустно от того, что на его собственном «историческом» поле слишком мало подобных ему особей и оно может зарости чертополохом. И еще ему очень жаль времени, которое приходится просиживать в диссертационном совете, дабы прослушать всех соискателей, с большим или меньшим успехом пересказывающих в

своих увесистых «кирпичах» кучу чужих книжек и статей. Он не знаком с героем Довлатова и поэтому никак не может взять в толк, зачем пересказывать то, что в нашей стране сплошной грамотности может прочесть каждый.

А.Г. Еманов никогда и нигде не отказывал историографии в ее собственном объекте. Он, я уверен, застенчиво промолчит, когда услышит, что у историографии есть еще и свой предмет¹, ибо прекрасно знает, что слово «предмет» специально было изобретено в старину учеными книжниками для перевода латинского «objectus». Оба они значают нечто, расположенное впереди, т.е. в нашем случае то, на что направлено внимание субъекта. Позднее «предмет» переместился из церковнославянского языка в русский. Более того, охранители чистоты историографического питья, которое он, как им кажется, пытается замутить, могут найти у него следующие

¹ Об этом см.: *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки // *Вестник Тюменского государственного университета.* 2004. №1. С. 79.